

Г. Е. СКОРОВ

АЛЖИРСКАЯ ПРОБЛЕМА

Свыше двух с половиной лет продолжается колониальная война в Алжире. Оснащенные новейшим оружием французские войска тщетно пытаются подавить освободительное движение алжирского народа. Численность французской армии растет и в настоящее время составляет около полумиллиона человек. Это более чем вдвое превышает максимальную численность французского экспедиционного корпуса во время войны в Индо-Китае.

Французская армия использует вооружение НАТО — американские танки, военные грузовики «Додж», штабные автомашины «Виллис». В составе французских вооруженных сил действует свыше 500 самолетов и 50 вертолетов, часть которых поставлена США и Англией. На войну в Алжире французское правительство ежедневно тратит 1400 млн. франков. Но вся мощь военной машины колонизаторов оказывается бессильной перед народом, поднявшимся на борьбу за свое освобождение. Несмотря на победные реляции последнего времени, положение французских войск в Алжире столь же плачевно, как и прежде.

Дальнейшее продолжение алжирской войны подрывает возможность достижения соглашения с руководителями национально-освободительного движения и неизбежно ведет к окончательному разрыву между Францией и алжирским народом. Оно усиливает изоляцию Франции на международной арене, ослабляет ее позиции в Европе перед лицом возрождающейся мощи западногерманского империализма, обескровливает французскую экономику и способствует активизации реакционных сил внутри страны.

Правящие круги во Франции стремятся представить всенародное движение за независимость Алжира как действия отдельных «террористических банд», как «взрыв религиозного фанатизма», «интриги Москвы» или «протекции панарабизма». Эти измышления не имеют ничего общего с действительностью.

В чем причина алжирского конфликта?

Франция захватила Алжир в 1830 г. С той поры коренное население Алжира — арабы и берберы — подвергаются жесточайшей колониальной эксплуатации и политическому угнетению. Их лишили наиболее плодородных земель и оттеснили в полупустынные, малопригодные для жизни районы. В настоящее время европейским колонистам и колониальным компаниям принадлежит 2700 тыс. га, французскому государству — 11 млн. га и коренному населению — 7 млн. га¹. Иными словами, у алжирцев экспроприировали почти $\frac{2}{3}$ всей пригодной для сельского хозяйства земли, в том числе всю самую плодородную землю. Это не могло не иметь чрезвычайно серьезных последствий для условий существования коренного населения.

¹ «Temps modernes», март — апрель, 1956, стр. 1376.

За последние полвека численность коренного населения Алжира выросла более чем вдвое — с 4 млн. до 8,5 млн. человек. В то же время наличные продовольственные ресурсы для внутреннего потребления (экспорт можно не принимать во внимание, так как он почти целиком состоит из продукции европейских хозяйств) почти не увеличились, а по некоторым видам культур даже уменьшились. Объясняется это тем, что алжирцы ведут свое хозяйство на худших землях, чем прежде, в менее благоприятных для земледелия районах, а техника и методы обработки земли у феллахов остались прежними — та же соха, та же мотыга, та же двухпольная система, что и сотни лет назад. В итоге душевое производство и потребление продуктов питания резко упало. Так, производство зерновых — основы питания коренных жителей страны — сократилось (на душу населения) за последние 75 лет в 2,5 раза, составляя ныне менее 2 ц.

Производство зерновых в Алжире ²

(в ц на душу населения)

1871 г.	1900 г.	1940 г.	1947 г.
5	4	2,5	2

Поголовье овец уменьшилось с 11 млн. голов в 1889 г. до 4,5 млн. в 1950 г.³, т. е. более чем вдвое.

Чтобы не умереть с голоду и прокормить семью, алжирские феллахи вынуждены за гроши наниматься батраками на фермы европейских колонистов, на плантации и рудники колониальных компаний. Многие эмигрируют во Францию, где выполняют самую черную работу, живут в тяжелых условиях, недоедают, чтобы послать из своих скудных заработков часть денег семье. Средний доход алжирцев, по данным парламентской комиссии, составляет около 30 тысяч франков в год⁴. Эта сумма значительно ниже физического минимума жизненных средств. Она примерно равна среднему месячному заработку француза в метрополии.

Экспроприация земель коренного населения порождает не только острый земельный голод и аграрное перенаселение. Она создает неразрешимую в условиях колониальной экономики проблему лишних рабочих рук. Крайне слабое⁵ и искусственно тормозимое империалистами развитие промышленности приводит к тому, что значительная часть вытесняемого из сельского хозяйства «избыточного» населения вообще не может найти работы и вливается в армию хронически безработных и полубезработных. Число их достигает в Алжире 1 млн. человек⁶. Таким образом, коренные жители Алжира, ограбленные колонизаторами, лишенные основного источника существования — земли, подвергающиеся нещадной эксплуатации на фермах европейцев, в рудниках и на предприятиях колониальных компаний, не могут получить работу в своей собственной стране и живут на грани голодной смерти.

«Поверьте мне,— говорил епископ Пинье с трибуны конференции одной из католических организаций,— когда мы говорим о голоде в Алжире, это не пустая фраза и не только удобный повод для социального протеста. Это страшная действительность, налагающая на нас серьезную ответственность... Это драма всего населения — не какой-то горстки нищих и нескольких отдельных семей, а трех миллионов человек, живущих рядом с нами на территории Алжира. И эта драма не преходящее явление, она прочно укоренилась в экономике. Она истребляет целые

² L. Chevalier, *Le problème démographique Nord-africain*, Paris, 1950, стр. 98.

³ A. Birot et J. Dresh, *La Méditerranée et le Moyen Orient*, Paris, 1953, т. I, стр. 508.

⁴ «Monde», 3 октября 1955.

⁵ В 1950 г. в Алжире было произведено меньше 30 т чугуна, стали и проката, хотя в стране имеются громадные залежи первоклассной железной руды. «Esprit», 1952, № 8-9, стр. 334.

⁶ «Problèmes économiques», 23 октября, 1956 стр. 7.

поколения систематически недоедающих голодных людей, доведенных до состояния крайнего истощения»⁷.

Французские колонизаторы превозносят свою «цивилизаторскую миссию» и хвалятся мнимыми успехами здравоохранения в Алжире. В доказательство они приводят цифры роста алжирского населения. Но кто же не знает, что именно в обездоленных странах население растет гораздо быстрее, чем в странах богатых? Разве не более показателен факт, что детская смертность в Алжире — самая высокая в мире?

Невыносимые жизненные условия подавляющего большинства коренного населения — это только одна сторона алжирской проблемы. Другая ее сторона — полное политическое бесправие, вопиющая расовая дискриминация, которой подвергается коренное население. Политический режим колониального произвола прикрывается лицемерным тезисом «Алжир — это Франция». Этот тезис не имеет под собой никаких оснований ни с географической, ни с исторической, ни с политической точек зрения.

Географически Алжир является частью Африки и отделен от Франции Средиземным морем. Исторически Алжир существовал как самостоятельное государство со своими собственными политическими и правовыми институтами задолго до 1830 г., т. е. до оккупации его Францией. Правитель Алжира дей был признан рядом государств и представлен в их столицах дипломатическими миссиями. Наконец, политически и французское завоевание вовсе не означало, как это утверждают французские официальные круги, превращения Алжира в часть Франции, подобно Бретани, Эльзасу или Савойе. Алжир стал колонией Франции, или, если уж позволительно воспользоваться официальной терминологией, Францией без французских законов», в которой алжирцам было уготовано место колониальных рабов. До конца второй мировой войны правовой режим Алжира даже с формально-юридической точки зрения не отличался от режима других французских колоний и регулировался эндикенатом, или кодексом туземцев.

Официальной политикой Франции в Алжире, как и в большинстве других французских колоний, была так называемая политика ассимиляции. В действительности колонизаторы не стремились к подлинной ассимиляции алжирцев (слиянию их с французами). Им важно было помешать консолидации алжирской национальной общности, задержать формирование алжирского национального сознания. Ассимиляция в действительности означала неприкрытую дискриминацию. Колонизаторы отстранили алжирцев от управления своей собственной страной. Они всеми мерами стремились подавить алжирскую национальную культуру, обезличить коренное население, насильственно «офранцузить» его.

Из надуманного тезиса «Алжир — это Франция» следовал не менее глупый вывод, что арабы и берберы — это французы и что официальным языком Алжира, так же как и языком, принятым для обучения в школах, должен быть французский. Арабские школы были закрыты, французские издавались чрезвычайно медленно и в совершенно недостаточном количестве. Преподавание истории Алжира каралось тюремным заключением. Все национальное, алжирское в школьных программах тщательно вытравлялось. Короче говоря, для развития арабской культуры были созданы исключительно тяжелые условия. В то же время колонизаторы отнюдь не стремились к распространению французской культуры и достижений европейской цивилизации. Их заветным желанием было держать алжирский народ подальше от всякой культуры, в темноте и невежестве.

Вся система обучения была проникнута духом патернализма и подчинена задаче подготовки преданных делу колонизаторов вспомогательных кадров. Стремление к «умственной стерилизации» алжирцев нашло яркое отражение в одной из публикаций союза французских предпринимателей

⁷ «Economie et politique», 1955, № 13.

Алжира. «Незачем обучать всех французских мусульман,— читаем мы в этом редком по своей откровенности документе, датированном 1953 г., иллюзии на этот счет губительны. Эта страна всегда будет испытывать нужду в пастухах и землепашцах, а распространение аттестата об окончании школы затруднило бы их набор»⁸. В результате этой политики обскурантизма в 1954 г. в Алжире насчитывалось, по официальным данным, 1 683 тысячи детей школьного возраста, не посещавших школу⁹. А до вторжения колонизаторов уровень грамотности в стране был не ниже, чем во Франции или Италии того времени.

Невыносимые жизненные условия, политическая дискриминация и национальный гнет — таковы глубокие причины освободительного движения алжирского народа.

Чего добивается народ Алжира?

Французские правящие круги долгое время вообще отрицали существование алжирской проблемы. В лучшем случае они сводили ее к экономическому положению коренного населения: алжирский народ, мол, в массе своей живет плохо и жизненный уровень надо повысить. Достаточно, утверждали они, провести некоторую модернизацию хозяйства феллахов, несколько поднять заработную плату рабочим, создать видимость участия верхушечных слоев алжирского общества в управлении местными делами, расширить сеть школ и медицинских учреждений, как отпадут всякие причины для недовольства и в Алжире снова воцарится спокойствие. Они сознательно суживали содержание алжирской проблемы и намеренно ограничивали пути ее решения рамками второстепенных экономических мероприятий и административных реформ.

В действительности алжирская проблема есть прежде всего проблема взаимоотношений алжирской нации с Францией, проблема освобождения Алжира от империалистического порабощения, т. е. проблема политическая. Следовательно, решение этой проблемы может быть только политическим. Народные массы Алжира выступают не за улучшение своего положения колониальных рабов, а за ликвидацию самого колониального рабства.

Годы колониального господства французского империализма были вместе с тем годами формирования алжирской нации. В борьбе с колонизаторами росли и крепились национальное единство и национальное самосознание алжирского народа. Этот рост национального самосознания отчетливо виден в эволюции мировоззрения алжирской национальной интеллигенции. В 1936 г. один из лидеров алжирского освободительного движения Ферхат Аббас — будущий автор Алжирского манифеста — утверждал: «Если бы я обнаружил алжирскую нацию, я стал бы националистом и не покраснел бы от этого, как от преступления... Однако я не стану умирать за алжирскую родину, ибо этой родины не существует. Я ее не обнаружил. Я обращался к истории, я вопрошал живых и умерших, я посещал кладбища: никто мне о ней не говорил»¹⁰.

Это высказывание, конечно, нельзя рассматривать как выражение взглядов всех слоев алжирского народа, или хотя бы всей алжирской интеллигенции в 30—40-х годах. В тот период уже раздавались голоса, требовавшие независимости Алжира. Существовало даже движение, знаменем которого был девиз: «Ислам — моя религия, арабский — мой язык, Алжир — моя родина». Но национального самосознания в строгом смысле этого слова, т. е. сознания принадлежности к единой алжирской нации, еще не существовало, оно лишь зарождалось, делало первые шаги. Характерным для умонастроений того периода было требование «ассимиля-

⁸ «Temps modernes», март — апрель 1956, стр. 1404.

⁹ Там же, стр. 1417.

¹⁰ André Julien, L'Afrique du Nord en marche, Paris, 1952, стр. 110—111.

ии до конца», т. е. действительного уравниения алжирцев в правах с французами в рамках французского государства.

Ныне национальное самосознание алжирского народа можно считать вполне сложившимся. Показателем зрелости его и вместе с тем важным фактором его развития и укрепления служит борьба за предоставление Алжиру государственной независимости. Характер этой борьбы следующим образом определил первый секретарь Коммунистической партии Алжира Ларби Бухали: «Сегодня алжирский народ стоит на пути осуществления демократической, буржуазной, антиимпериалистической революции»¹¹.

Возникновение национального самосознания нашло свое отражение в программах политических партий и организаций Алжира, и в выступлениях алжирских политических деятелей. Приведем лишь одно из них, принадлежащее бывшему депутату алжирской ассамблеи Бен Бахмеду. Родился народ с национальным сознанием, — говорил Бен Бахмед на съезде французской социалистической партии в 1956 г. — Все его представители солидарны. Этот народ осознал свое единство. Каково бы ни было предлагаемое решение, если оно не учитывает этой эволюции, этого рождения национального сознания, мы будем идти от испытания к испытанию»¹². Между высказыванием Ферхата Аббаса, который ныне также поддерживает требование о предоставлении Алжиру независимости, и выступлением Бен Бахмеда прошло двадцать лет. Эти годы, заполненные величайшими историческими событиями во всем мире, были годами складывания алжирского национального самосознания, которое выковывалось в борьбе с колонизаторами.

Формирование национального самосознания было важным элементом становления алжирской нации. Ее существование стало фактом. Как бы ни старались французские правящие круги смазать, затушевать этот факт разговорами об «алжирской индивидуальности», алжирская нация существует. Поэтому решение алжирского вопроса возможно лишь на базе признания права алжирского народа на самоопределение. Отсюда вытекают особенности алжирского национально-освободительного движения:

1. Алжирский народ не удовлетворяется незначительными уступками, «залатыванием прорех», перекрашиванием фасада, а требует восстановления алжирского суверенитета, предоставления Алжиру государственной независимости. Широкие слои алжирского народа поняли, что пока власть в той или иной форме будет находиться в руках метрополии, им ничего надеяться на изменение своего положения. Только в свободном независимом Алжире, когда хозяином страны станет алжирский народ, когда будут разорваны колониальные путы, окажется возможным преодолеть вековую отсталость алжирской экономики, поднять жизненный уровень и культуру широких слоев населения.

2. Поскольку Франция упорно отвергает неотъемлемое право алжирского народа на независимость и игнорирует его ясно выраженную волю, алжирцам не оставалось ничего другого, как взяться за оружие. На протяжении дня был поставлен штык. Следовательно, вторая особенность алжирского освободительного движения на современном этапе состоит в том, что оно развивается в наиболее острой, высшей форме — в форме организованной вооруженной борьбы против империализма.

3. Третья особенность нынешней фазы алжирского национально-освободительного движения — его подлинно всенародный характер. Вокруг лозунга о завоевании государственной независимости объединились все патриотические силы алжирского народа: рабочий класс, крестьянство, национальная буржуазия и интеллигенция, религиозные круги. Еще недавно успешному развитию движения мешали разобщенность и раздробленность сил, множественность политических тенденций и организаций, разногласия

¹¹ «New Age», август 1956.

¹² «Démocratie Nouvelle», август 1956, стр. 456.

между ними, раздувавшиеся и поддерживавшиеся колонизаторами. Взаимные распри, несогласованность действий различных политических партий и борьба за власть между националистическими лидерами наносили громадный ущерб освободительному движению. В течение 1954—1956 гг. длительный раскол национальных сил был в значительной мере преодолен на основе создания Фронта Национального Освобождения Алжира (ФНО), который поддерживают основные политические организации Алжира, включая компартию¹³. ФНО через координационный исполнительный комитет руководит вооруженной борьбой алжирского народа против французских колонизаторов.

Кому нужна алжирская война?

Свой отказ предоставить Алжиру независимость правящие круги Франции обосновывают обычно тем, что они не могут бросить на произвол судьбы более миллиона европейцев (главным образом французов), постоянно проживающих в стране. Многие из них являются коренными жителями Алжира второго и третьего поколения, для них Алжир — это родина, и вне Алжира они не мыслят себе своего существования. Если Франция уйдет из Алжира, твердят официальные круги, европейцев немедленно «сбросят в море». Во имя защиты миллиона европейцев (а также друзей Франции из числа мусульман, как стали добавлять в последнее время) Франция должна остаться в Алжире и играть роль высшего арбитра, «беспристрастного судьи», улаживающего споры и разногласия между алжирцами европейского и арабо-берберского происхождения.

Такова официальная версия, которая должна убедить в том, что полмиллиона французских солдат защищают в Алжире 1 миллион европейцев, т. е. один солдат — двух европейцев, включая стариков и новорожденных!

В действительности дело обстоит совершенно иначе. Французские штыки охраняют интересы ничтожной кучки европейцев. Подавляющее большинство алжирцев европейского происхождения — это труженики: рабочие, мелкие фермеры, служащие компаний, чиновники, люди свободных профессий. Они, вне всякого сомнения, нашли бы себе место в свободном и независимом Алжире. Доходы этой части европейского населения составляют в среднем 200—240 тысяч франков в год. Хотя это раз в 8—10 превышает средний доход коренных жителей, бесспорно, что это доход трудовой. Но есть среди них немногочисленная прослойка — около 15 тысяч человек, — получающая свыше 1600 тысяч франков годового дохода¹⁴. Это владельцы крупных поместий, главные акционеры и директора колониальных компаний, оптовые торговцы, высшие чиновники колониальной администрации и т. д. За ними прочно закрепилось название «ультра», т. е. ультраколониалисты или ультрареакционеры. Их благополучие действительно зиждется на нищете и страданиях 8,5 млн. алжирцев арабо-берберского происхождения.

Есть еще более могущественные силы, заинтересованные в сохранении французского колониального господства в Алжире. Это крупные монополистические группы финансового капитала Франции, такие, как «Банк де л'Юньон Паризьен» — «Мирабо», группа Ротшильда, «Банк де Пари э де Пэи Ба», группа Вальтера и др. Они получают ежегодно десятки и сотни миллионов франков от эксплуатации природных богатств Алжира. Они-то и являются истинными вдохновителями алжирской войны. Освобождение Алжира нанесло бы удар именно по интересам этих групп финансового капитала метрополии и привилегиям алжирских «ультра», а отнюдь не по французам, честно зарабатывающим на жизнь своим трудом.

¹³ Французские правящие круги преуменьшают значение и масштабы единства, достигнутого алжирскими национальными силами, либо вовсе отрицают его.

¹⁴ «Perspectives», 1956, № 25, стр. 13; «Monde», 3 сентября 1955.

Правда, ультраколониалистам удалось отравить ядом расистской идеологии и увлечь за собой часть, и притом значительную часть, трудящихся европейцев, которые поддались на удочку шовинистической пропаганды. Захлестнутые волной расизма, эти европейцы смотрят на алжирцев как на людей второго сорта, как на «низшую расу», а свое привилегированное положение считают чем-то вполне естественным и само собою разумеющимся. Неудивительно, что они выступают за политику безжалостных репрессий и за войну «до победного конца». Всякий раз, когда намечается хотя бы отдаленная перспектива урегулирования алжирского конфликта на базе справедливых требований алжирского народа, экстремистские элементы немедленно угрожают отделением от метрополии и созданием расистского государства по типу Южно-Африканского Союза. Их мнение выразил в конце 1955 г. президент алжирских мэров, который заявил: «Если Франция бессильна, мы ее заменим». Ультраколониалисты боятся также, как огня, системы равных выборов в алжирское территориальное собрание, зная, что, будучи в меньшинстве, они не смогут навязывать свою волю алжирскому народу. Поэтому они признают силу и только силу. А сила — это французская армия. Следовательно, сепаратизм ультраколониалистов не что иное, как политический шантаж, ибо господство их может держаться только на французских штыках.

Наряду с лозунгом защиты «братьев-европейцев» от «фанатиков-мульман» правящие круги Франции используют и другой аргумент. Они стремятся убедить общественное мнение в том, что в исходе алжирской войны (и в этом якобы ее отличие от индокитайской войны) заинтересован весь французский народ, а не только определенные круги империалистической буржуазии. Алжир, говорят они, это крупнейший рынок сбыта французских товаров. Потеря Алжира нанесла бы удар по всему французскому рабочему классу, так как породила бы массовую безработицу. Прекращение торговли с Алжиром означало бы один день безработицы в неделю для всех французских рабочих.

В этом утверждении нет ни капли правды. Алжир — действительно крупный рынок сбыта французских товаров. На его долю в 1954 г. пришлось 11,4% всего французского экспорта. Но в валовом национальном продукте доля экспортируемых в Алжир товаров составляет всего 1,25%¹⁵. Следовательно, даже полное приостановление торговли с Алжиром выразилось бы не в однодневной, а лишь в получасовой «безработице» в неделю, не больше. Однако и эти расчеты не отражают подлинного положения вещей. Ведь получение Алжиром государственной независимости, или то, что на языке колонизаторов называется «потерей» Алжира, в действительности означало бы не прекращение, а, наоборот, расширение объема франко-алжирской торговли. Преодоление вековой отсталости алжирской экономики и индустриализация страны, которой добиваются национальные силы Алжира, потребовали бы резкого увеличения ввоза французских товаров, особенно средств производства, а также недостающих капиталов. Следовательно, освобождение Алжира обеспечило бы французской промышленности гораздо более емкий рынок сбыта, чем она имела в колониальном Алжире, импортировавшем главным образом потребительские товары. Эта очевидная истина подтверждается опытом многих стран, в частности Индии, импорт который из Англии сегодня в стоимостном выражении в пять раз превышает довоенный импорт. Но французские империалисты глухи к доводам разума. Ослепленные своими эгоистическими соображениями, они думают лишь о сохранении своих привилегий, а отнюдь не об интересах Франции, тем более — рабочего класса Франции. Их точку зрения предельно ясно выразил бывший генерал-губернатор Алжира Ж. Сустель, с именем которого связано начало нынешней алжирской войны. «Было бы безумием думать, что мы сможем остаться в Дакаре;

¹⁵ «Année politique et économique», 1956, № 130, стр. 105.

Браззавиле и Тананариве после того, как нас изгонят из Алжира. Остаться в Алжире — значит остаться в Африке; потерять его — это потерять все. Такова ставка: она колоссальна»¹⁶.

Здесь уже ни слова не говорится о «несчастных европейцах» или о «массовой безработице». Маскировка отброшена в сторону. Алжир нужен для того, чтобы держать в узде африканские колонии Франции, чтобы разговаривать «с позиций силы» с Тунисом и Марокко, чтобы «Банк де Пари э де Пэи Ба», «Банк де л'Юньон Паризьен» — «Мирабо» и другие финансовые магнаты могли беспрепятственно приумножать свои богатства.

Список всех «заинтересованных» в алжирской войне был бы неполон без одной державы, которая официально не имеет к Алжиру никакого отношения. Эта держава — Соединенные Штаты. Заигрывая с некоторыми лидерами национально-освободительного движения в Северной Африке, не скупясь на посулы финансовой помощи, США в то же время под флагом атлантической солидарности поддерживают колониальную политику Франции, помогают ей не только морально, но и материально. Только с января 1955 г. по август 1956 г., по данным, приведенным в меморандуме ФЛН Алжира, США поставили Франции для ведения войны в Алжире 150 вертолетов, 50 тысяч единиц автоматического оружия, 26 тысяч автомашин военного назначения и другое военное снаряжение.

Таким образом, США косвенно участвуют в алжирской войне на стороне Франции. Но это вовсе не означает, что США желают победы французского оружия. Правящие круги США заинтересованы в возможно более длительном затягивании этой войны. Как показывает опыт войны в Индокитае, США намеренно поддерживают колониалистский пыл Франции и толкают ее на продолжение бесперспективной войны с тем, чтобы в определенный момент, когда Франция будет основательно истощена, выступить на сцену и занять ее место. Это намерение правящих кругов США подтверждается включением Северной Африки в сферу действия неокониалистской доктрины Эйзенхауэра, которая обосновывает необходимость заполнения «вакуума», т. е. захвата позиций, утраченных старыми колониальными державами.

Пути решения алжирского вопроса

На протяжении последних лет во французской печати появились десятки проектов урегулирования алжирского вопроса. Большинство из них оказались мертворожденными, ибо составлены они были без учета законных интересов алжирского народа и тех великих изменений, которые преобразили лицо мира в течение последних десяти с лишним лет. Рассматривать их все нет никакой надобности. Мы остановимся лишь на наиболее существенных.

Самый реакционный план — это так называемое чисто «военное решение» алжирского вопроса, т. е. война до победного конца без всяких уступок и компромиссов. Этот план выдвигают круги, потерявшие всякое чувство реальности и полагающие, что в середине XX века можно действовать методами XIX века, когда капитализм был всемогущим владыкой мира. Они цепляются за отброшенную жизнью доктрину ассимиляции населения Алжира и не признают за алжирским народом права на самостоятельное национальное развитие, отрицая с одинаковым упорством его прошлое и будущее.

Недалеко ушли от ассимиляционистов и так называемые интегралисты, или сторонники интеграции Алжира, которые выступают за «военное решение» плюс некоторые реформы. Приверженцы интеграции вкладывают в это понятие различный смысл, но основное их требование сводится к

¹⁶ «Revue de Paris», апрель 1956, стр. 3.

включению Алжира в состав Франции с признанием «алжирской индивидуальности», т. е. особенностей Алжира. Часть интегралистов считает, что нужно увеличить представительство Алжира во французском национальном собрании пропорционально численности алжирского населения (предоставить алжирцам 100—150 депутатских мест). Другая часть утверждает, что в этом случае Франция превратится в «колонию своей колонии», и предлагает несколько расширить права местного алжирского территориального собрания. Они готовы даже пойти на создание единой избирательной курии для европейцев и арабо-берберов, лишь бы суверенная власть в Алжире осталась в руках Франции и последнее слово в важнейших областях управления принадлежало бы представителям метрополии. Фактически и те и другие остаются на почве фальшивого тезиса «Алжир — это Франция».

Есть и такие сторонники урегулирования алжирского вопроса, которые выдвигают идею «палестинизации», т. е. территориального раздела Алжира между европейцами и арабо-берберами. При этом, разумеется, европейцы должны получить наиболее плодородную и освоенную часть Алжира — прибрежную полосу между Ораном и Константиной с коридором для доступа в Сахару, а арабо-берберы — безводные и бесплодные внутренние районы. Этот план территориальной и этнической сегрегации встречает возражения среди части ультраколониалистов. Их беспокоит не столько перспектива голодного вымирания 8,5 млн. коренного населения в глубинных районах, сколько неминуемая «анемия» прибрежной зоны без дешевой рабочей силы алжирского хинтерланда. В связи с этим выдвигаются предложения «интегрировать» Оранию, где сосредоточена основная масса европейцев, и «федерировать» Константино, где преобладающим этническим элементом являются арабо-берберы, а также различные другие варианты расчленения Алжира.

Наконец, определенные круги предлагают решить алжирскую проблему на основе федеративного устройства французской республики с предоставлением Алжиру внутренней автономии. Это решение, приближающееся к формуле «независимость в рамках взаимозависимости», страдает расплывчатостью и оставляет широкое поле для различных толкований. Ультраколониалисты, например, связывают с автономией Алжира сохранение и укрепление своих нынешних привилегий, рассматривая ее лишь как большую свободу рук для себя. Таким образом, дать оценку этому плану можно было бы лишь в зависимости от его конкретного воплощения.

Прогрессивные силы Франции во главе с Французской коммунистической партией выступают с ясной программой урегулирования алжирского вопроса на основе признания права алжирского народа на независимость и предоставления ему возможности самому решать свою судьбу. При этом они исходят из факта существования алжирской нации и неотъемлемого права всех народов на самоопределение, а также из известных, исторически сложившихся связей между Францией и алжирским народом. Предложения прогрессивных сил Франции отвечают интересам алжирского народа и в то же время соответствуют высшим интересам Франции.

Слова и дела правителей Франции

Правящие круги Франции отказывались и продолжают отказываться от поисков такого решения алжирской проблемы, которое бы соответствовало духу времени и взаимным интересам Франции и Алжира. Они пытаются решить алжирский вопрос с позиций силы, в одностороннем порядке, игнорируя ясно выраженную волю алжирцев к восстановлению алжирской государственности. Такова была политика ушедшего недавно в отставку правительства Ги Молле, которое пришло к власти под лозунгом мирного урегулирования алжирской проблемы. Такую же политику

проводит и нынешнее правительство Франции, возглавляемое Буржес-Монури.

Прежде всего правящие круги Франции упорно отрицают факт существования алжирской нации. Они говорят об особенностях Алжира, об «алжирской индивидуальности», но ни в коем случае не об алжирской нации. Тем самым они исключают возможность самоопределения алжирского народа и втискивают решение проблемы Алжира в прокрустово ложе тезиса «Алжир — это Франция».

Отрицая национальный характер алжирского освободительного движения, французское правительство демократически отклоняет предложения о переговорах с его руководителями под предлогом того, что они не являются «достойными собеседниками». Руководители Фронта Национального Освобождения (ФЛН), по мнению правительства, не могут быть авторитетными представителями алжирского народа и вести переговоры от имени всех алжирцев, поскольку ФЛН не представляет всех политических течений и не осуществляет руководство всеми вооруженными группами. Ввиду этого, утверждает правительство, выявить полномочных представителей Алжира могут только выборы. А для проведения выборов надо нормализовать обстановку, провести «умиротворение». Так возникла пресловутая формула «умиротворение — выборы — переговоры», которой правящие круги Франции прикрывают свое нежелание положить конец кровопролитию в Алжире.

Руководители алжирского национального движения справедливо называют, что в условиях колониального произвола и беззакония не может быть и речи о действительно свободных выборах, тем более, что выборы, предлагаемые правительством, лишь оттягивают на неопределенный срок решение вопроса о будущем Алжира, а вовсе не решают его. Тем временем правительство надеется «овладеть ситуацией» и навязать свою волю в ультимативном порядке. Требование сначала восстановить «порядок», а затем провести выборы и переговоры равносильно отказу от переговоров — того единственного средства, которое только и может внести успокоение в накаленную до предела обстановку в Алжире.

О нежелании французских правящих кругов урегулировать алжирский вопрос мирным путем свидетельствует вся их политика в алжирском вопросе, в том числе такой грубый провокационный шаг, как арест в октябре 1956 г. пяти лидеров ФЛН, массовые расстрелы в Мелуза-Казба в 1957 г. и т. д.

Единственное решение, которое в нынешних условиях могло бы вывести Францию из тупика, — это прекращение огня в Алжире и немедленное открытие переговоров с руководителями ФЛН без всяких предварительных условий. Но именно этого и не желают французские правящие круги. Они по существу требуют безоговорочной капитуляции армии национального освобождения и, откладывая переговоры на неопределенный срок, предпрещают в одностороннем порядке будущий статут Алжира. Алжирских представителей, которые должны быть избраны, правительство Франции заранее лишает права выдвинуть требование национальной независимости.

Алжирский вопрос и ООН

События в Алжире давно уже стали объектом пристального внимания международной общественности. На X сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1955 г. группа стран Африки и Азии потребовала рассмотрения алжирского вопроса. Но США, Англия, Франция и другие колониальные державы, опираясь на послушное им большинство, воспрепятствовали обсуждению этого вопроса под предлогом того, что он относится исключительно к внутренней компетенции Франции. Одновременно империалистическая пресса по обе стороны Атлантики пыталась убедить мировое

общественное мнение в том, что Франция преисполнена самых добрых намерений и что рассмотрение этого вопроса в ООН затруднит достижение соглашения между Францией и Алжиром.

Спустя полтора года обстановка в Алжире резко ухудшилась. По данным американской буржуазной печати, в 1956 г. только в ходе военных столкновений было убито свыше 18 тысяч алжирских патриотов¹⁷. Кровопротитие в Алжире не могло не внушить серьезного беспокойства мировой общественности. В мае 1956 г. премьер-министр Индии Неру предложил план мирного урегулирования алжирского вопроса. Но эта ценная инициатива не встретила положительного отклика во французских правящих кругах. Военные действия в Алжире продолжали расширяться.

На XI сессии Генеральной Ассамблеи ООН осенью 1956 г. по инициативе 15 стран Африки и Азии алжирский вопрос, вопреки усилиям колониальных держав, был включен в повестку дня. Это было несомненным успехом миролюбивых сил. Франция продолжала оспаривать правомочность ООН разбирать положение в Алжире, настаивая на том, что алжирский вопрос якобы является внутренним делом Франции. Между тем алжирский конфликт давно уже перерос рамки франко-алжирских отношений и превратился в серьезную международную проблему.

Международный характер алжирской проблемы определяется прежде всего тем, что борьба алжирского народа за политическую независимость неразрывно связана с общим подъемом освободительного движения в странах Арабского Востока. Война в Алжире ставит под угрозу мир и безопасность всего этого района. От исхода алжирского конфликта непосредственно зависит судьба двух арабских государств — Туниса и Марокко. Окончательное урегулирование их взаимоотношений с Францией невозможно до тех пор, пока продолжается алжирская война. Ни для кого не составляет секрета, что одной из главных причин участия Франции в недавней агрессии против Египта было стремление создать надлежащую обстановку для последующего разгрома освободительного движения в Алжире. Наконец, международный характер алжирского конфликта подтверждается тем, что проблема Алжира стала предметом обсуждения на многих международных конференциях и совещаниях, начиная от Бандунгской конференции стран Азии и Африки до сессий НАТО, а также на переговорах французского правительства с рядом иностранных правительств. Фронт Национального Освобождения регулярно представляет в ООН меморандумы с изложением требований алжирского народа.

Несмотря на эти красноречивые факты, французские официальные круги продолжают отрицать международный характер алжирской проблемы. Накануне обсуждения алжирского вопроса на XI сессии Генеральной Ассамблеи ООН официальные представители Франции неоднократно заявляли, что Франция не примет участия в рассмотрении этого вопроса, что она не будет считать себя связанной никакими рекомендациями и что вообще любые рекомендации были бы вмешательством во внутренние дела Франции. Под нажимом общественного мнения внутри страны и за границей Франции пришлось принять участие в дебатах по алжирскому вопросу. В ООН была послана многочисленная делегация экспертов во главе с министром иностранных дел Пино. Тактика французской делегации сводилась к тому, чтобы «раскрыть свое алжирское досье перед ООН» (т. е. односторонне информировать Ассамблею о положении в Алжире) и подтвердить свою точку зрения о некомпетентности ООН решать этот вопрос. В обсуждении и голосовании проектов резолюции Франция демонстративно не участвовала.

В Политический комитет Генеральной Ассамблеи было представлено три проекта резолюции. Один из них, выдвинутый делегациями 18 стран Азии и Африки и поддержанный СССР и странами народной демократии

¹⁷ «New-York Times», 3 января 1957.

предусматривал признание права алжирского народа на самоопределение. Другой, подготовленный Японией, Филиппинами и Таиландом, призывал к нормализации положения в Алжире путем переговоров между Францией и алжирским народом. Третий, представленный Италией и пятью латиноамериканскими странами, ограничивался выражением надежды на то, что будет найдено мирное демократическое решение. Политический комитет принял два последних проекта и представил на рассмотрение Генеральной Ассамблеи сводный компромиссный проект, составленный на основе этих двух проектов. В резолюции, получившей одобрение Ассамблеи, была выражена надежда, что «через соответствующие каналы и путем взаимного понимания может быть найдено мирное внутреннее и справедливое решение в соответствии с принципами Устава».

Со времени принятия этой резолюции прошло свыше полугода, но политика французских правящих кругов в алжирском вопросе осталась неизменной. Это империалистическая политика насильственного подавления освободительного движения, политика войны, зверств и пыток. Никаких практических шагов с целью мирного урегулирования алжирского вопроса Франция не предприняла. Наоборот, любая инициатива, проявленная представителями ФЛН, а также правительствами Туниса и Марокко, безоговорочно отвергалась. В связи с этим в июле 1957 г. двадцать одно государство Азии и Африки обратилось в ООН с требованием включить алжирский вопрос в повестку дня предстоящей XII сессии Генеральной Ассамблеи.

Дискуссия и голосование в Политическом комитете продемонстрировали растущую поддержку, которую встречает национально-освободительное движение алжирского народа. Вместе с тем нынешнее соотношение сил в ООН позволило США, Англии и другим колониальным державам не допустить принятия Генеральной Ассамблеей резолюции, подтверждающей право алжирского народа на независимость.

Война в Алжире продолжается. Она может стоить еще многих жертв с обеих сторон. Но исход ее не вызывает никаких сомнений. Арабская пословица сравнивает Магриб (три североафриканские страны) с птицей, тело которой — Алжир, а крылья — Марокко и Тунис. Когда птица взмахивает крыльями, тело ее устремляется вперед. Алжирский народ добьется независимости. XX век — это век освобождения Африки.
